

С. А. Ватченко

Дніпровський національний університет імені Олеся Гончара

РОМАН «АМЕЛИЯ» ГЕНРИ ФИЛДИНГА. ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ЧИТАТЕЛЮ

У статті висвітлено рухливий спектр думок щодо роману Філдінга «Аме́лія», класичного літературного тексту XVIII ст., що загострює перед читачами й критиками певні проблеми, які однозначно вирішити вельми непросто. Дослідники зацікавлено простежують художній шлях письменника, стадії перетворення його естетики, процес визрівання у жанрі прозаїчної комічної епопеї ознак експериментального соціального роману. Аналізується мінливість репутації «Амелії», яку зазвичай оцінювали як невдачу митця, а тепер, навпаки, вбачають у ній складну літературну форму, яку адресовано ерудованому читачеві. Поступово відносно «Амелії» науковцями починає стверджуватися думка, що багаточисельна організація твору містить рефлексію автора над етикою почуттів й передає неможливість досягнення прекраснодушними сентиментальними героями спокою й рівноваги у недоскональній реальності. В таке диво вірять лише щиросердні, наївні персонажі роману, але аж ніяк не Філдінг.

Ключові слова: роман Нового часу, розмаїття епічних форм в літературі XVIII століття, психологічна й соціально-комічна течії романного жанру, комічна епопея в прозі, експериментальний соціальний роман.

В статті освітається подвижний спектр мнень о романе Филдинга «Аме́лия», произведении, поставившем перед читателями и критиками ряд загадок, которые однозначно разрешить не так легко. Исследователи заинтересованно прослеживают творческий путь писателя, стадии преобразования его эстетики, процесс вызревания в жанре прозаической комической эпопеи свойств экспериментального социального романа. Анализируется изменчивость репутации «Амелии», которую прежде оценивали как неудачу художника, а теперь, напротив, видят в ней сложную литературную форму, адресованную эрудированному читателю. Постепенно в отношении «Амелии» в среде критиков начинает утверждаться мнение, что многослойная организация произведения содержит рефлексию над этикой чувствительности и передает невозможность достижения прекраснодушными сентиментальными героями покоя и равновесия в несовершенной реальности. В такое чудо верят лишь добросердечные, наивные персонажи романа, но не Филдинг.

Ключевые слова: роман Нового времени, разнообразие эпических форм в литературе XVIII века, психологическое и социально-комическое направления в жанре романа, комическая эпопея в прозе, экспериментальный социальный роман.

The article highlights variable spectrum of opinions on Fielding's *Amelia* that brings up a series of questions for discussion that cannot be solved definitely. The researchers are interested in the trajectory of artist's career, the transformation of his aesthetics and the process of maturation of the experimental social novel on the basis of prosaic comic epic. The instability of reputation of Fielding's *Amelia* is analyzed, the novel was formerly estimated as writer's failure but nowadays it is viewed as complicated literary form addressed to the highbrow reader. According to Peter Sabor, *Amelia* might never become the "favourite Child" of Fielding's readers, as it was of Fielding himself, but what remains convincing about his last and most problematic novel is its harsh, world-weary picture of a venal society. Fielding's darkened view of the people's community influenced the later course of the genre and reached successful treatment of the similar themes in Thackeray and Dickens. All the more it is the universal experience of the renewal of genre poetics.

Keywords: the rise of the novel, the forms of the Eighteenth-Century English novel, psychological and comic social modes of genre, comic epic poem in prose, experimental social novel.

В одном из, казалось бы, малозначительных эпизодов «Амелии» Генри Филдинга великодушный и легкомысленный капитан Уильям Бут, из-за долгов ставший узником в доме судебного пристава, коротает время в беседе с «весьма известным сочинителем»: он также находится под арестом «по причине иска, предъявленного ... книготорговцем», но не унывает, надеется выйти на волю, потому что «уже насочинял на сумму своего долга» [3, с. 249]. У незнакомца – бойкое перо, ему «покоряются» высокая поэзия, исторические труды, тексты парламентских речей, «пестрые» статьи для журналов. Будучи знатоком творчества писателей древности, Бут затевает с автором разговор об искусстве, с приятностью вспомнит о Рабле, Сервантесе, Свифте, пытается увлечь сотоварища обсуждением оплошностей перевода классиков на английский язык, несказанно удивится бойкости невежды, не разбирающегося в тонкостях ремесла, но с пылом рассуждающего о расценках рынка. Путающий Лукана с Лукианом литератор поведает Буту о товаре, пользующемся спросом: укажет на вскруживший голову дамам и издателям жанр романа, который несложно изготовить с такою же быстротой, с какою возможно водить пером по бумаге, а если его «сдобрить сплетней», скандальными намеками, то, несомненно, он найдет своего читателя [3, с. 249–250].

Споры о романе, его неоднозначной репутации, неприятие нелепостей содержания, адресованного неискушенной аудитории, присутствуют во многих текстах Филдинга. Претендующий на статус Скриблера Секундуса, не чуждый эстетике августианства художник-интеллектуал вне зависимости от новизны (*novel*) либо привычности явления (*romance*) поначалу недоверчиво оценивает возможности нарождающейся формы. В знаменитом «Авторском фарсе» (1730) двадцатитрехлетний Филдинг, приписав незадачливому поэту Лаклессу пьесу «Столичные потехи», отправил в мир иной уже поднадоевшую лондонцам толпу аллегорических фигур: сеньора Оперу, дону Трагедии, мсье Пантомима, миссис Новел... [2а]. Прототипом последней, по убеждению критиков, стала актриса, драматург, автор любовных романов-бестселлеров Элиза Хейвуд (1693–1756), скандальное признание которой среди публики не оставило равнодушным Поупа, нелицеприятно высказавшегося в «Дунсиаде» (1728) о ее писательском даре.

В предисловии к «Джозефу Эндрюсу» (1742) Филдинг откроет читателю свое видение «литературы того рода, в котором до сей поры никто ... не пытался писать» на английском языке [4, с. 281]. Он попытается объяснить, что «Джозеф Эндрюс» не оправдает ожидания поклонников романических повествований о возвышенных героях, обитающих в гипотетическом историческом прошлом. Его книга скорее тяготеет не к серьезному *romance*, но к комическому, однако не к той бурлескной версии, порою зависимой и не самостоятельной, безжалостно перелицовывающей высокие образцы, а к литературной модели, где персонажи, фабула, события узнаваемы, хотя при этом нелепы, смешны из-за игры обстоятельств, несовершенства нравов, следования ложным целям. Писатель возьмет на себя смелость зачислить свое произведение в разряд комической эпической поэмы в прозе с тем, чтобы восстановить родословную жанра и не пренебречь нормами традиционной поэтики.

В развернутый заголовок «Джозефа Эндрюса» войдет слово «история». Филдинг воспользуется им также спустя пять лет, когда окрепнет его талант прозаика, и он осмелится представить современникам протагониста, который придется по душе многим, несмотря на то, что опрометчиво, вследствие горячности натуры совершит обилие проступков. В «Истории Тома Джонса, найденыша» (1749), вернувшей спустя десятилетие Филдинга на литературный Олимп, вновь возникнет необходимость осмыслить ресурс пока еще не устоявшейся художественной формы. Обращение к дефиниции «история» не только подскажет публике, что предложенный текст содержит связный рассказ о герое и происшествиях его жизни, не столько подтвердит авторитет сочинителя, осведомленного о сложности

явления, преображенного в литературный нарратив, но прежде всего полемически подчеркнет чуждость эстетическим установкам гомансе, переставшего отвечать запросам времени. Филдинг проложит собственный путь к созданию новой области литературы, непременно ведущий к аллюзивно-игровой уплотненности прозы, воплощенной в фигуре образованного всеведущего автора, компетентно и остроумно рассуждающего об эпохе, нравах, стране, проблемах искусства, стремительно осваивающего живой язык общения с аудиторией, уже не монолитной, но разделенной в своих вкусовых пристрастиях.

В вводной главе к IX книге «Тома Джонса» автор разъяснит причину, по которой открывает каждый том произведения прологом-беседой с читателем. По его мнению, вступительные размышления, предшествующие основному повествованию, служат узнаваемой чертой писательской манеры, где сращение многокрасочной рефлексии повествователя, умеющего о сложном говорить легко, с сюжетным действием призвано подчеркнуть чужеродность «Тома Джонса» «пустым романам», где все «фальшиво и поддельно» [5, с. 457]. Филдинг уверен, что жанровая рубрика «истории» органична тексту, поскольку он, подобно подлинным историкам, черпает материалы из такого весомого источника, как «великая книга самой Природы» [5, с. 457].

Карьера Филдинга-прозаика развивалась стремительно, ее временные рамки охватывают срединное десятилетие XVIII ст., ставшее поворотным в истории нового английского романа (novel). Яркие предшественники торили дорогу жанру, среди них следует упомянуть славный триумvirат сочинительниц любовных повестей, Афру Бен, Мэри Дэларивьер Мэнли, Элизу Хейвуд, великого Даниэля Дефо. Также нельзя не назвать имена современников, мудрого моралиста Ричардсона, пылкого Смоллета, младшей сестры Филдинга Сары, а также самого Генри Филдинга, опубликовавших в упомянутые годы свои лучшие тексты. Литературные критики не устают повторять, что когда Филдинг лишь пробовал свои силы в области большой эпической формы, представление о романе было весьма неустойчивым, и на титульных страницах книг слово роман почти не упоминалось [14; 15; 17; 19]. Однако в год выхода в свет «Амелии», любимого детища писателя, сдержанно принятого читателями, литературный облик романа, его семантика и художественный строй, открывающие читателю процесс осознания героем собственной идентичности в мире несовершенном, а порою просто враждебном, становились все более привычными, узнаваемыми, близкими классическому канону жанра XIX в.

Историки романа называют Генри Филдинга в ряду писателей, способствовавших возвышению жанра, однако не перестают удивляться парадоксальности обстоятельств его литературного пути [1; 2; 7; 13; 14]. Будучи по рождению «патрицием», получив классическое образование в Итоне и Лейденском университете, пусть не завершив его из-за материальных трудностей семьи, проявив себя как поэт и драматург, близкий эстетике августианства, используя в творчестве приемы ученого остроумия скриблерианцев, недоверчиво-иронически воспринимая популярно-коммерческие сочинения, Филдинг почитаем как один из лучших романистов эпохи¹. Его называют ранним теоретиком

¹ Несмотря на то, что ценности августианской этики лишены у Филдинга холодности абстрактного идеала, предстают как природные, исполненные человечности регуляторы поведения, все же важность понимания таких нравственных категорий, как достоинство, честь, самосовершенствование, великодушие, присутствует во всех сочинениях писателя. Роналд Полсон пронизательно подметил, что в творческой практике Филдинг часто избирал тактику полемического противостояния, оказывался чрезвычайно искусным спорщиком. Его эстетические открытия рождались в процессе критических выпадов по поводу ложных театральных (Дж. Рич, К. Сиббер, Джонсон-драматург), политических (Р. Уолпол) кумиров, утилитаризма морали («Памела» Ричардсона) [14, р. x].

жанра, обогатившим форму эпической широтой, почувствовавшим плодотворность и органичность для нее авторефлексии, передавшим в своих текстах дух английскости. Уже следовавшее за ним поколение писателей ощущало, что герои Филдинга, пастор Адамс, Том Джонс, сквайр Вестерн, жили в далекой сказочной стране, когда дни текли размеренно и безмятежно. В летнюю пору время замирало, а в зимние вечера стрелки не торопились завершить круг по циферблату [12, р. 72].

К декабрю 1751 г., в канун появления в печати «Амелии» многое переменилось в жизни Филдинга. Позади остались годы, проведенные на сцене, сочинительство пьес, сложившаяся среди поклонников репутация «английского Аристофана». Улеглись волнения из-за закона о цензуре 1737 года, оградившего вельможу-политика Роберта Уолпола от нападков молодого автора. Удачным оказался выбор нового ремесла, приведшего Филдинга поначалу в адвокатуру, позже на судейское поприще. Филдингу удалось узнать счастье в любви, пройти через горечь потерь, однако не утратить увлеченность творчеством, проявить себя в журналистике, стать наряду с Сэмюэлом Ричардсоном (1689–1761) реформатором жанра романа. Влиятельный Роналд Полсон, наряду с Мартином Баттестином написавший одну из лучших биографий Филдинга, посчитал необходимым заметить, что Филдинг в отличие от Поупа не посвятил себя исключительно литературе, не строил свою судьбу, подражая Вергилию, он был человеком публичным, земным, нуждался в деньгах, хорошо знал законы рынка, но стремился избегать легковесного заработка, заурядной поденщины [7; 14]².

Известный исследователь Питер Сейбор в одной из статей рассказал о ярком эпизоде из истории английского романа XVIII века, когда между 1740 и 1760 гг. Сэмюэл Ричардсон, Генри Филдинг, его младшая сестра Сара познакомили лондонцев с внушительным обилием книг [18]. Первой в череде восемнадцати романов шла получившая европейский резонанс «Памела» (1740–1741) Ричардсона, последней, «История Офелии» (1760) Сары Филдинг. В течение 1740-х гг. были опубликованы лучшие сочинения писателей: «Кларисса» Ричардсона (1747–1748), «Том Джонс» Филдинга (1749), «Приключения Дэвида Простака» Сары Филдинг (1744, дополненные в 1753). В 50-е гг. Филдинг и Ричардсон адресовали читателям последние экспериментальные романы «Амелия» (1751) и «Сэр Чарльз Грандисон» (1753–1754), которые, скорее, разочаровали современников. Сара Филдинг, напротив, подтвердила свой талант и в текущее десятилетие издала наиболее удачные произведения: «Жизнеописание Клеопатры и Октавии» (1757) и «История графини Деллвин» (1759). Питер Сейбор уверен, что драматизм отношений и художническое соперничество между Ричардсоном, Филдингом, Сарой Филдинг привели к замечательному итогу, рождению самодостаточных авторских форм психологического (Ричардсон) и панорамного комически-игрового романа (Филдинг) [17, р. 139].

В наследии Филдинга литературные критики выделяют три великие книги: по-свифтиански обличительное жизнеописание «Джонатана Уайльда» (1743), облагороженный сервантесовскими аллюзиями комический роман о целомудренном лакее Джозефе Эндрюсе и национальный шедевр «История Тома Джонса, найденныша», ставший прообразом художественной формы, столь любимой англичанами, где личность автора неотделима от создаваемого им мира героев (про-

² Стадиально жизнь и творчество Филдинга условно разделяют на ранний период, указывая 1728–1737 годы, когда он руководит актерской труппой, работает над злободневными текстами для театра. Также упоминают время профессионального самоопределения, называя конец 30-х и 40-е годы, принесшие Филдингу возможность стать юристом и попробовать силы в области «смирной прозы». К 50-м годам, увы, к недолговечной поре зрелости он входит в должность мирового судьи, обретает известность одного из лучших романистов эпохи [14, р. x].

за Стерна, Остен, Диккенса, Теккерея). К сожалению, «Амелия», последний роман Филдинга³, который был ему необычайно дорог из-за богатых биографических проекций, не получил пылкого одобрения читателей, однако стал предметом острых обсуждений в салонах, кофейнях, на страницах журналов, породил резонансную волну сатирических памфлетов, слухов, кривотолков вокруг имени писателя. По сей день исследователи сопровождают интерпретацию романа рядом вопросов, которые не имеют однозначного ответа [1; 6; 8; 9; 16; 17].

Филдинг посвятил «Амелию» достойному и благожелательному человеку, другу и покровителю Ральфу Аллену, вошедшему в историю страны как реформатор почтовой службы⁴, составившему состояние благодаря деловитости, инициативности и тяге к созиданию⁵. Во вступлении к книге писатель открыл читателю и покровителю свою задачу: искренне содействовать добродетели, разоблачению зол, как общественных, так и частных, поразивших страну [3, с. 5]. Несколько позже в главе первой, предвещающей роман, он доверительно объяснит, что его интересует такая тема, как искусство жизни, и продолжит – правомерно ли возлагать вину на случай, внешние обстоятельства, происки недоброжелателей, а именно на те ощутимые препятствия, которые мы, часто не раздумывая, называем Судьбой, силой Провидения? Или источником бед, неверных решений, проступков являются слабости, заблуждения, нежелание думать о ближнем, что порою присуще каждому? Филдинг вынесет на суд читающей публики историю испытаний, которые пришлось претерпеть «весьма достойной супружеской паре», настойчиво посоветует внимательно приглядеться к происшествиям, приводящим к катастрофе или благополучному завершению, с тем, чтобы научиться постигать науку жизни [3, с. 7–8].

Автор «Амелии» сдержит слово, преподаст неожиданный литературный урок ценителям его таланта, предстанет перед ними в новой роли «правдивого историка», расскажет о трудном существовании простодушных героев в мире, полном зла и вероломства [10]. Несмотря на взаимную привязанность, любовь, получающий лишь половинное жалование капитан Уильям Бут и его красавица-жена Амелия, обманом лишенная наследства, оказываются уязвимыми перед облеченными властью чиновниками, завистливыми родственниками, мнимыми друзьями, покровителями. Буту придется участвовать в войне, получить ранение, небыстро восстановить здоровье, побывать вместе с Амелией во Франции, порадоваться рождению первенца, стать незадачливым фермером, разориться и, наконец, отправиться в Лондон в надежде обрести поддержку бывших сослуживцев, достигших высокого положения. Но излишне открытые, бесхитростные Амелия и Уильям Бут обречены на скоропалительные шаги, непродуманные решения, которые могут навлечь на них непоправимую беду.

В ночь первого апреля 17... года, бросившись защищать безвинного незнакомца на одной из улиц Лондона, ложно обвиненный Бут по решению мирово-

³ Появление «Амелии» ждали с нетерпением, имя Филдинга уже хорошо знали не только лондонцы, но и читатели Ирландии, Франции, Германии, ловкие литературные умельцы в течение нескольких лет наводнили рынок Британии текстами-стилизациями либо продолжениями «Тома Джонса», вышедшими анонимно: “The History of Tom Jones, The Foundling; in his Married State” (1749), “The History of Charlotte Summers, the Fortunate parish Girl” (1750) [17, p. 94]. Книгопечатник Эндрю Миллар умело мистифицировал публику, в журнальных изданиях размещал объявления о растущем спросе на новый роман сочинителя, внушившего всем симпатию сердечностью тона, искрометным юмором, жизнелюбием, доброжелательным отношением к герою и собеседнику.

⁴ Утверждают, что наряду с усовершенствованием системы почтовых перевозок королевства, Ральф Аллен ввел в широкий обиход пользование почтовым штемпелем.

⁵ Архитекторам Джону Вуду старшему, Джону Вуду младшему, владельцу каменоломни Ральфу Аллену, а также «королю щеголей» Бью Нэшу курортный Бат обязан превращением в один из красивейших городов Англии и Европы.

го судьи помещен в тюрьму. Блуждая по бесконечным переходам и коридорам, Бут с замиранием сердца наблюдает изнанку реальности, ее гротескных обитателей (прелестницу Моль-с-бельмом, вкрадчивого карточного игрока Робинсона, красноречивого методиста-карманника), жизнерадостно сосуществующих с собственными грехами, страдает безвинным (сироте, оболганной отчимом; дочери, укравшей кусок хлеба для изможденного отца; несчастному, арестованному за мелкий проступок), выслушивает советы циничных тюремщиков. Здесь Бут встретит молодую привлекательную женщину, наказавшую своего обидчика, мисс Мэтьюз, узнает возлюбленную далеких лет юности, общение с ней скрасит неволю, косвенно поможет освобождению капитана. На мгновение Амелии и Уильяму пригрезится возможность счастья. Они, наивные, поверят в расположенность к ним доброго знакомого, полковника Джеймса и щедрого, влиятельного, осыпающего детей Амелии подарками высокородного милорда, родственника домовладелицы Бутов миссис Эллисон. От последствий милости могущественных покровителей Амелию и Уильяма спасут внутреннее чутье нарастающей опасности (Буту сулят очередное повышение по службе, но только в далекой Вест-Индии), нравственная чистоплотность и участие тех, кто привязан к ним либо не простил собственного унижения обидчикам четы Бут (сержант Аткинсон, священник Гаррисон, миссис Беннет) [10].

Незатейливый сюжет, передающий череду повседневных радостей и огорчений, обилие персонажей, призванных оттенить характеры центральных героев «Амелии», стали причиной упреков, брошенных Филдингу критиками, в заурядности и безликости материала, разительно отличавшегося от яркого, искрящегося светом радости и юности мира «Тома Джонса».

По настоящее время не перестают удивляться тому, что Филдинг в «Амелии» отбросил дар юмориста, переменял интонацию и в качестве повествователя вел себя сдержанно, сухо, был скуп на комментарии в отношении читателей и персонажей. Биографы Филдинга высказывают разные предположения, думают, что отрезвляющий и мрачный опыт пребывания на посту мирового судьи не добавил романисту светлых красок в мироощущение, а равно и усугубившиеся болезни, утраты близких. Не преминут они упомянуть и имя Сэмюэла Ричардсона, сожалея, что Филдинг, попав под воздействие автора «Клариссы», отважился вторгнуться на чужую территорию, где властвуют эмоции, потоки слез, случаются обмороки, бушует стихия чувств [7; 13; 14]. Но если герои Ричардсона – естественны, природны, то характеры Филдинга – театральнориторичны и демонстративно чувствительны⁶. Часто Филдингу не прощают неприятных поворотов в житейской истории Амелии, когда в молодые годы в дорожном происшествии она ушиблась и сломала нос. Раны Амелия залечила, мастерство хирурга сохранило ей красоту, небольшой шрам едва был замечен. Однако недруги Филдинга пресловутую отметину на лице героини все же увидели и позабылись, посвятив не один памфлет, статью, пародию безносой Амелии Бут, что стало яркой страницей пресловутой журнальной войны между создателем образа Амелии и Кенриком, Хиллом, Смоллетом, Торнтоном [10, р. 116].

Долгое время «Амелию» Филдинга считали неудачей, порицали за несообразность композиции, избыточное присутствие в тексте публицистических фрагментов, низовых сцен и слоя аллюзий на «Энеиду» Вергилия, сатиры Ювенала, снисходительно относились к экспериментам художника с эстетикой чувствительности. Все же различимы голоса исследователей, которые, солидаризируясь с

⁶ По свидетельству современников, Ричардсон, прочитав несколько книг «Амелии», иронично заметил, что она, «Амелия», едва ли подает признаки жизни, как будто была написана ряд десятилетий назад [11а, р. 335]. По поводу самого Филдинга шутил, уверял, что автор хотел, насколько возможно, выглядеть добродетельным, но это ему вряд ли удалось [11а, р. 116–122].

Вальтером Скоттом, утверждають, що «Амелія» не стільки отторгає мир «Тома Джонса», скільки продовжує його. Також едва ли можна безоговорочно приймати сентиментальну патетику останнього роману письменника, прежде блистящего комедиографа, отвергавшего дидактизм и восторженную идеализацию реальности. Постепенно в отношении «Амелии» начинает складываться мнение, что структура романа сложна, многослойна, предназначена передать убеждение автора в том, что вероятность обретения неискушенными героями покоя и равновесия в несовершенной, отнюдь не привлекательной реальности равносильна чуду, и в него верят лишь наивные, прекраснодушные персонажи, но отнюдь не Филдинг.

Библиографические ссылки

1. *Ингер А. Г.* Последний роман Генри Филдинга / А. Г. Ингер // Филдинг Г. Амелия / Г. Филдинг. – М.: Наука, 1996. – С. 445–485.
2. *Роджерс П.* Генри Филдинг. Биография / П. Роджерс. – М.: Радуга, 1984. – 207 с.
- 2а. *Филдинг Г.* Авторский фарс с кукольным представлением под названием «Столичные потехи» // Филдинг Г. Фарсы / Г. Филдинг. – М.: Искусство, 1980. – С. 35–114.
3. *Филдинг Г.* Амелия / Г. Филдинг. – М.: Наука, 1996. – 535 с.
4. *Филдинг Г.* История приключений Джозефа Эндрюса и его друга Абраама Адамса // Филдинг Г. Избранные сочинения / Г. Филдинг. – М.: Худ. лит., 1989. – С. 281–570.
5. *Филдинг Г.* История Тома Джонса, найденьши / Г. Филдинг. – М.: Правда, 1982. – Т. 1. – 511 с.
6. *Battestin M.* The Failure of *Amelia*: Fielding's Novel of Sentiment / M. Battestin // Critical Essays on Henry Fielding / [ed. by A. J. Rivero]. – N. Y.: Macmillan, 1998. – P. 209–219.
7. *Battestin M.* Henry Fielding. A Life / M. Battestin, R. Battestin. – L., N. Y.: Routledge, 1989. – 738 p.
8. *Castle T.* Masquerade and Allegory: Fielding's *Amelia* / T. Castle // Critical Essays on Henry Fielding / [ed. by A. J. Rivero]. – N. Y.: Macmillan, 1998. – P. 164–194.
9. *Conway A.* Fielding's *Amelia* and the Aesthetics of Virtue / A. Conway // Critical Essays on Henry Fielding / [ed. by A. J. Rivero]. – N. Y.: Macmillan, 1998. – P. 195–208.
10. *Dickie S.* *Amelia*, Sex, and Fielding's Woman Question / S. Dickie // Henry Fielding. Novelist, Playwright, Journalist, Magistrate / [ed. by C. Rawson]. – Newark: University of Delaware Press, 2008. – 337 p.
11. *Fielding H.* *Amelia* / H. Fielding. – Access mode: <http://www.gutenberg.org/files/6098/6098-h/6098-h.htm>
- 11а. Henry Fielding: the Critical Heritage / [ed. by R. Paulson, Th. Lockwood]. – L.: Routledge, 1969. – 480 p.
12. *Lockwood T.* Henry Fielding (1707–1754): The comic epic in prose / T. Lockwood // The Cambridge Companion to European Novelists / [ed. by M. Bell]. – Cambridge: Cambridge UP, 2012. – P. 72–88
13. *Pagliaro H.* Henry Fielding. A Literary Life / H. Pagliaro. – N. Y.: St. Martin's Press, 1998. – 237 p.
14. *Paulson R.* The Life of Henry Fielding / R. Paulson. – Oxford, Malden: Blackwell, 2000. – 400 p.
15. *Rawson C.* Henry Fielding / C. Rawson // The Cambridge Companion to the Eighteenth-Century Novel / [ed. by J. Richetti]. – Cambridge: Cambridge UP, 1996. – P. 120–152.
16. *Rawson C.* Nature, Cruel Circumstance and the Rage for Order: *Amelia* / C. Rawson // Henry Fielding. Modern Critical Views / [ed. by H. Bloom]. – N. Y.: Chelsea House Publishers, 1987. – P. 131–161.
17. *Sabor P.* *Amelia* / P. Sabor // The Cambridge Companion to Henry Fielding / [ed. by C. Rawson]. – Cambridge: Cambridge UP, 1996. – P. 94–108.
18. *Sabor P.* Richardson, Fielding, and Sarah Fielding / P. Sabor // The Cambridge Companion to English Literature 1740–1830 / [ed. by Th. Keymer, J. Mee]. – Cambridge: Cambridge UP, 2004. – P. 139–156.
19. *Varey S.* Henry Fielding / S. Varey. – Cambridge: Cambridge UP, 1986. – 153 p.

Поступила в редколлегию 20.09.2018 г.